

ПОСЛЕ подстроенного Идалией Полетикой свидания с Дантесом, о котором Натали имела глупость рассказать своему ревнивому мужу, ноябрьский вызов на дуэль был предreshен. Но Пушкин в письме к Геккерну сам пишет о затруднении, в котором оказался. Действительно, как, не упоминая о свидании, бросающем тень на репутацию Натали, вызвать Дантеса? И тут, как он далее пишет в том же письме, пришли пасквильные дипломы. Вот он, недостающий повод для вызова!.. И «умнейший человек в России» (так далеко не благоволивший к поэту царь назвал как-то Пушкина) сделал вид, что поверил в пасквильное авторство Дантеса и Геккерна, крайне невыгодное — что и подтвердили дальнейшие события — им обоим.

Однако великий поэт был не только ревнив, но и мстителен. Чего только стоит один список обидчиков-должников, составленный им с бухгалтерской тщательностью, где против фамилии обидчика стояли характер обиды и мера наказания, а после неукоснительного возмездия отмечалось исполнение одного. Пушкин знал, что злопамятность не украсит образ, который он хотел бы оставить потомству, и поэтому всячески скрывал ее, а упомянутый реестр обидчиков велел сжечь перед его глазами на смертном одре...

Геккерны, получив вызов, замесились в поисках выхода. Нидерландский посланник со слезами на глазах умолял поэта об отсрочке. И выход, хотя довольно унижительный, был ими найден: женитьба на сестре Натали при письменном заявлении Пушкина, что Дантес в этой истории вел себя как благородный человек. Геккерн-младший при этом рассчитывал (в качестве родственника) на широкие возможности безнаказанного ухода за Натали.

Желая раздавить Дантеса, сделать его смешным в глазах света, а главное — собственной жены, и зная, что о подстроенном свидании осведомлены только его ближайшие друзья, Пушкин пошел на эту сделку с совестью и написал требуемое заявление о благородном поведении человека, который, оказавшись с Натали наедине, грозил, вынул пистолет, застрелиться, если она ему не отдастся. Воистину, месть требует жертв, и при этом гораздо больших, чем думают злопамятные люди... Правда, поэт тут же объявил, что не желает иметь никаких родственных отношений с «благородным человеком», но это лишь подчеркивает неискренность его письменного заявления.

Сначала результат казался таким, на какой рассчитывал поэт. «С сыном я разделался, теперь мне старичка подавай», — торжествовал он в разговорах с друзьями. Однако Дантес, чувствовавший себя виноватым перед усыновившим его Геккерном (дипломатической карьере которого в случае дуэли грозила катастрофа) и скрепя сердце согласившийся на вынужденную женитьбу, теперь желал использовать все преимущества своего родственного положения и начал

еще более откровенно ухаживать за Натали (не вызовет же поэт мужа ее сестры!).

Казалось бы, тут и оставить его, и без того униженного женитьбой под дулом пистолета, в смешном положении, осуществив свою давнюю мечту, о которой поэт писал, обращаясь к жене:

*Пора, мой друг, пора!
покою сердце просит, —
Летят за днями дни,
и каждый час уносит
Частичку бытия,
а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь,
как раз умрем.*

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО ПУШКИНСКОЙ ДУЭЛИ

*На свете счастья нет,
но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, задумал я побег
В обитель дальнюю трудов
и чистых нег.*

И жене, что называется, крыть нечем, и чести нет урона, и соперник посрамлен, и пиши себе в деревне задуманный обширный труд — историю Петра Великого...

Я не призываю поупражняться в исторически неуместном сослагательном наклонении. Я предлагаю ответить на конкретный простой вопрос: что помешало Пушкину после женитьбы Дантеса (10 января 1837 года)

уехать в Михайловское с перспективой (по аналогии с Болдинской осенью) Михайловской зимы, без урона для чести оставив Дантеса в дурацком (зря женился!) положении? Только не контролируемая разумом мстительность при мастерском владении пистолетом могла заставить умнейшего человека в России предпочесть всему этому дуэль... Видимо, в реестре возмездия против фамилии Дантеса после обозначения его вины и меры наказания зиял нестерпимый для поэта пробел...

Перед лицом обеляющих Дантеса слухов о том, что своей женитьбой он принес себя в жертву, чтобы спасти репутацию Натали, и ввиду его возобновившихся (теперь уже наглых) уха-

живаний поэт пишет Геккерну-старшему (кстати, по своему официальному положению не могущему драться) невыносимо оскорбительное письмо с явной целью спровоцировать вызов Геккерну-младшего, чтобы оказаться не в роли мстителя-ревнивца, а вызванной стороной. Ему это удалось. Вопрос второй: к чему такой окольный путь? Почему не вызвать сразу Дантеса? Ответ: потому что Геккерн-старший тоже был в реестре возмездия (помните: «...теперь мне старичка подавай?»).

Отослав письмо и глядя вечером того же дня на танцующего Дантеса, Пушкин сказал княгине Вяземской: «Что меня забавляет, так это то, что

этот господин веселится, не предчувствуя, что его ожидает по возвращении домой». (Дантес признавал потом, что это письмо было для него «как черепица на голову».)

И далее следует самое поразительное и загадочное в пушкинской дуэльной истории. Пушкин проявляет перед надвигающимся поединком непостижимое и демонстративное легкомыслие. Он делает вид, что предстоящая дуэль его не только не волнует, но даже не заслуживает внимания. Встав утром рокового дня, он напевает, пришедшего секунданта Данзаса встречает радостно. За час до поединка пишет письмо детской писательнице Ишимовой. Он так увлекся принятой на себя ролью не от мира сего служителя муз, вовсе не жаждущего крови Дантеса, но вызванного им и вынужденного отвлечься от более важных дел, чтобы мимоходом наказать его своей не знающей промаха рукой, что на пути к месту дуэли рассказывает Данзасу флигельный анекдот о повстречавшейся им жене графа Иосифа Борха. На месте дуэли, усевшись на сугроб и равнодушно поглядывая на вытпывающих дорожку в снегу Данзаса и Дантеса, торопит обращающихся к нему секундентов, не вникая в то, что они ему говорят. Мол, все равно, лишь бы поскорее.

Следуя выбранной им линии поведения, он, после отмашки Данзаса, быстро подходит к барьеру и поднимает пистолет, чтобы прицелиться. Но в это время раздается продуманный выстрел начавшего целиться еще на ходу Дантеса. Упав смертельно раненным, поэт полулежа производит свой выстрел и, будучи великолепным (он носил для укрепления твердости руки железную трость) стрелком, попадает Дантесу в грудь. Только высоко расположенная пуговица подтяжки спасла последнего жизнь. Видя, что противник упал, он спрашивает у того, куда он ранен. Узнав, что в грудь, подбрасывает с возгласом «браво!» пистолет и только после этого теряет сознание. Придя в себя и узнав, что Дантес жив, говорит, что тогда придется все начать сначала...

Дома, добившись от врачей признания, что надежды нет, велит своему домашнему врачу Спасскому сжечь перед его лицом написанную его рукой бумагу (реестр мести так и не был найден) и, когда Данзас упомянул о Геккерне, говорит: «Не мстить за меня! Я все простил»...

Тезис автора статьи не только и не столько в том, что Пушкин, как и все люди, имел свои недостатки, а в том, что без учета тщательно скрываемой им от общественного мнения мстительности невозможно до конца понять его дуэльную историю. А ведь полуправда — это полуложь. Нужно свыкнуться с мыслью, что талант, сколь бы велик он ни был, не делает человека ангелом. Таким его делают почитатели. Гениальность лишь примирает нас с недостатками ее обладателя. Вересаев хорошо сказал, что неудобно изучать жизнь великого человека, стоя на коленях.

Николай КАСТРИКИН

Н. П. УЛЬЯНОВ. Фрагмент картины «Пушкин с женой на придворном балу». 1936 г.

Пушкин Александр Сергеевич
21.05.97.